

На склонах горы Циньчэн юные послушники отрабатывали боевое построение. Всполохи клинков сливались в единое сверкающее марево, рождая ощутимый свист рассекаемого воздуха. Даос Цинъюнь благодушно улыбался, лениво поглаживая длинную бороду.

— Шишущу! Шишущу, беда! Беда стряслась! — задыхаясь, прокричал юный послушник из поколения «Сюань».

Он примчался откуда-то со стороны храма, спотыкаясь на каждом шагу и едва не катясь кубарем. Невзирая на то что даос от такого неуважения грозно зашевелил усами, мальчишка лишь судорожно хватал ртом воздух. Он ткнул дрожащим пальцем в сторону стен храма:

— Шишу Хуайшу... он разворотил весь аптекарский огород шицзу Мулина! И теперь они там, во внутреннем дворе, бьются не на жизнь, а на смерть!

Цинъюнь при этих словах вскинул бровь. Позабыв о всяком наставлении, старик резко вдохнул и, словно подхваченный порывом ветра, стремительно взлетел по тропе к храмовым воротам.

— Силу девать некуда, — пробурчал себе под нос послушник, глядя вслед уносящемуся настоятелю. — Тут ходу-то три шага, а он прыгает...

Стоявший рядом старший ученик отвесил остряку несильный, но ощутимый подзатыльник.

— Молод ты еще, глуп и не ведаешь, какая гроза этот твой шишу Хуайшу.

— Да мы с шишу Хуайшу почти ровесники! — потирая ушибленную макушку, заупрямился малец. — Наслышан я, просто увидеть пока не довелось. Старший брат Тяньци, ну давай сходим, глянем хоть одним глазком?

— Если бы мне было можно туда соваться, стал бы я тут с тобой лясы точить? — Тяньци снова щелкнул мальчишку по лбу. — Голова тебе дана, чтобы думать, чудо ты гороховое, а не только чтобы в нее есть.

В этот самый миг из глубины храма донесся оглушительный грохот, от которого содрогнулась земля под ногами. Тяньци с послушником синхронно вздрогнули и, не сговариваясь, сочли за лучшее поскорее убраться от греха подальше.

Среди оседавшей пыли и обломков, отчаянно кашляя, появился Цинъюнь. Он протянул руку и помог подняться сидевшему на земле даосу Мулину.

— И зачем ты вечно его задираешь? — со вздохом упрекнул он собрата.

— Цинъюнь, побойся богов! Имеешь ли ты хоть каплю совести?! — взвился Мулин, в ярости тряся зажатым в кулаке обрубком какого-то редкого стебля, в котором теперь невозможно было признать благородное растение. — Неужели это я его задел?! Посмотри на мои грядки! От всего питомника остался один этот мышейник несчастный!

Цинъюнь перевел взгляд на крышу, где, изящно балансируя на самом краю черепичного карниза, стоял Му Хуайшу.

— Живо слезай оттуда! — приказал настоятель.

Му Хуайшу отродясь никого не слушал. Кое-какое уважение он питал разве что к родному учителю, однако это «кое-какое» явно не распространилось на сегодняшнее утро.

— Если я спущусь, этот почтенный старец меня уколошит, — лениво отозвался Хуайшу, покачивая ногой в воздухе.

Во время взрыва его просто подбросило взрывной волной, и он удачно приземлился на крышу. К тому же все выкраденные травы он уже успел пустить в дело и переработать, так что возвращать почтенному Мулину все равно было нечего.

— Ах ты пакостник! — Мулин дрожащим пальцем указал на крышу. — Цинъюнь! Если ты сейчас же не призовешь его к ответу, я... я!..

— И что же ты сделаешь? — внезапно раздался тихий голос у самого уха Мулина.

Хуайшу бесшумно соскользнул вниз. Его красивое, пугающе изящное лицо со странными, бездонно-черными зрачками оказалось в паре дюймов от лица старого лекаря. У Мулина от этого взгляда мороз пробежал по коже.

— Старый ты болван, только и умеющий, что переводить драгоценные корни...

— Хуайшу, не смей дерзить старшим! — прикрикнул Цинъюнь, с трудом сдерживая ухмылку. Он протянул руку к ученику, прекрасно зная его повадки. — Давай сюда.

Хуайшу демонстративно отвернулся:

— Что «сюда»?

Но руку в карман все же запустил и неохотно вытащил небольшой аптекарский ларец.

— Разложи все пилюли, порошки и мази по ячейкам, а потом верни мне, — буркнул он.

Цинъюнь согласно кивнул:

— Хорошо.

Старый настоятель прекрасно понимал, что ученик отдает это сокровище без всякой жалости. Посторонние люди, знай они характер Му Хуайшу, наверняка лишились бы дара речи от удивления. Парень, который, задолжав кому-то грош, помнил об этом годами и требовал такой же точности от других, проявлял щедрость исключительно к своему наставнику.

Поняв, что буря миновала, Хуайшу взмыл в воздух и растаял среди ветвей деревьев. Цинъюнь проводил его одобрителем взглядом, отметив легкость движений.

Мулин, все еще прижимая к груди ларец, нахмурился:

— Цинъюнь, а ведь твой приемыш использует вовсе не технику меча Циньчэн.

— Да так... сам что-то выдумал, балуется от скуки, — отмахнулся Цинъюнь. — Зато погляди: твой драгоценный огород теперь собран в одном ларце, да еще и в лучшем виде. Не переживай, я ему устрою взбучку.

Цинъюнь занимал пост настоятеля храма Циньчэн, и Мулин не мог не выказать ему должного почтения. Да и грядки все равно уже было не вернуть, так что оставалось лишь смириться.

— Эх, — вздохнул лекарь, бережно баюкая ларец. — Цинъюнь, Хуайшу ведь уже исполнилось двадцать лет. Свои боевые искусства он освоил в совершенстве. Не думаешь ли ты... что пришло время отпустить его с горы?

Настоятель задумчиво дернул себя за подбородок, случайно вырвав несколько волосков из бороды, и тяжело вздохнул:

— Пожалуй, пора.

— Одинокaя звезда небесной погибели... То, что мальчишка дожил до этих лет — уже великое чудо и милость небес, — тихо произнес Мулин. Он хотел было добавить что-то еще, но, заметив, как потемнело лицо настоятеля, благоразумно прикусил язык.

На следующий день Цинъюнь обыскал весь храм, но Хуайшу словно сквозь землю провалился. Размышляя о том, куда мог деться несносный ученик, настоятель услышал за приоткрытым окном приглушенные голоса послушников.

— Я вчера своими глазами видел шишу Хуайшу, — шептал один. — Мамочки, ну и пронзительный у него взгляд! Черные, как бездна. Неудивительно, что родители бросили его младенцем.

— Да ладно тебе! Я слышал, у него такие зрачки оттого, что он рожден под Одинокой звездой небесной гибели. Говорят, проклятие не дает таким людям перешагнуть порог семнадцатилетия.

— Чепуха! Шишу ведь уже разменял третий десяток.

— Так это все благодаря нашему шишуцзу! Он за него перед небесами молился и всю свою духовную силу на его спасение растратил.

Цинъюнь сухо покашлял и шагнул из-за угла, представ перед насмерть перепуганными мальчишками.

— Все уроки выучили? Дел больше нет? — грозно спросил настоятель. — Если я еще раз услышу подобные бредни, лично поговорю с вашими старшими братьями. Посмотрим, как вы заговорите, когда вам пропишут сотню поклонов для укрепления послушания.

— Простите, шишуцзу! Мы больше не будем! — хором пискнули послушники и брызнули в разные стороны, словно стайка напуганных воробьев. Настоятель лишь молча покачал головой.

Три дня спустя Мулин вошел в покои настоятеля, держа в руках изящный нефритовый флакон.

— Где Му Хуайшу? — спросил он прямо с порога.

— Третьи сутки глаз на него не ложился, — вздохнул Цинъюнь. За эти три дня он вздыхал чаще, чем за весь прошлый месяц, когда его неугомонный ученик был рядом.

— Уж не сгинул ли он где-нибудь в глуши? — с беспокойством предположил Мулин, но, натолкнувшись на яростный взгляд Цинъюня, тут же примирительно поднял ладони. — Ну ладно, ладно тебе сверкать глазами! Мальчишке двадцать лет, с его-то силой... Ладно, виноват, глупость сморозил.

Настоятель налил гостю чаю:

— С чем пришел?

Мулин ловко бросил ему нефритовый флакон.

— Твой оболтус приготовил снадобье. Пилюли на редкость хороши для твоих старых ран. Сам следи за дозировкой, как станет легче — дай знать.

Сжав в ладони холодный нефрит, Цинъюнь вдруг нахмурился. Какая-то смутная догадка заставила его сорваться с места и вихрем понестись к собственным грядкам.

Его худшие опасения подтвердились. С виду ухоженное поле на деле оказалось пустышкой. Стоило настоятелю коснуться пальцем одного из стеблей, как вся его драгоценная делянка с тихим шелестом осыпалась черным пеплом.

Поспевший следом Мулин лишь сокрушенно причмокнул губами, созерцая пепелище, так похожее на его собственное три дня назад.

— МУ ХУАЙШУ!!! — яростный рев настоятеля прокатился над горой Циньчэн, заставив содрогнуться стены храма. Послушники внизу облегченно выдохнули: три дня без криков настоятеля казались им какими-то неправильными.

На пепел мягко опустился клочок бумаги, исписанный размашистым почерком Хуайшу:

«Учитель, долг за твоё воспитание мне вовек не оплатить. Посему прими этот пепел как мой скромный прощальный дар. Я знаю, сколько сил ты положил, чтобы спасти мою никчемную жизнь, и не стану ждать, пока ты решишь выставить меня за ворота. Я ухожу. Не поминай лихом.

P. S. Как только засадишь огород заново — я обязательно наведаюсь в гости».

— Паршивец мелкий... За идиота меня держит, — проворчал Цинъюнь. — Засадишь ему, как же. Чтобы ты снова все обобрал дочиста?

Взмахом рукава настоятель поднял пласты земли, заново перекапывая поле. Он прослезился и поспешно смахнул слезы.

— Хоть бы один корешок оставил, разбойник... Чтобы я вспомнил, что здесь росло.

У подножия горы Му Хуайшу нацепил простые очки в тонкой оправе. В свободной спортивной одежде и с потертым рюкзаком за плечами он ничем не отличался от обычного туриста. Трудно было поверить, что этот юноша впервые за двадцать лет своей жизни покинул пределы храма.

Хозяйка придорожной лавки при виде статного симпатичного парня расплылась в приторной улыбке.

— Хозяюшка, пить хочется, — вежливо обратился Хуайшу.

Женщина шустро выставила на прилавок бутылку прохладной воды:

— Пять юаней.

Хуайшу удивленно приподнял бровь. Кажется, денег у него не было вовсе.

— Как дорого... Внизу наверняка дешевле продают. Пожалуй, потерплю еще немного.

Поправив лямку рюкзака, он зашагал дальше. Лавочница презрительно фыркнула ему вслед:

— Нищеврод! Одет в какое-то тряпье столетней давности, а туда же — рожу кривит.

— Да ладно тебе, сейчас у молодежи мода такая, «дикий туризм» называется, — добродушно заметил ее муж, лениво покачивая веером на складном стуле.

В следующую секунду супруга щедро плеснула ему на живот холодной воды из ковша:

— Туризм! Если все будут так путешествовать, мы сами по миру пойдем!

— И пускай, зато мир повидаем, — ухмыльнулся хозяин лавки, поднимаясь с лежака, чтобы зазывать проходящих мимо путников.

Почти у самой подошвы горы торгующая дикими ягодами старушка протянула Хуайшу горсть мелких лесных плодов. Те оказались совсем не похожи на сладкие фрукты из храмового сада — кислые настолько, что у парня мгновенно свело челюсти, а рот наполнился слюной. Кое-как проглотив угощение, Хуайшу поблагодарил добрую женщину и долго еще потирал ноющие щеки. Дичь какая кислятина!

Добравшись до ближайшего городка, Хуайшу напрямик направился в местное отделение полиции. Оформившись как бродяга без средств к существованию, он благополучно получил бесплатный билет до места назначения, временное удостоверение личности и пятьдесят юаней на карманные расходы.

— Все прошло как по маслу, — прошептал Хуайшу с легкой улыбкой, переступая порог

полицейского управления города Биньчжоу. — Здравствуйте. Мне нужен глава Лу Чэньюнь. Скажите, что пришел человек по фамилии Му.

Дежурный офицер как-то странно покосился на гостя:

— Вы... к главе Седьмой группы по особо важным делам? К Лу Чэньюню?

— Именно так. Будьте любезны, — вежливо кивнул Хуайшу.

Внутри у него зародилось смутное сомнение: неужели его шишу — какая-то грозная шишка в здешних краях, раз дежурный так отреагировал?

— Без проблем. Заполните пока бланк, а я наберу его кабинет.

Офицер протянул ему лист бумаги. Хуайшу скользнул взглядом по многочисленным графам и понял, что из всего перечня может написать разве что собственное имя.

Положив трубку, дежурный взглянул на листок:

— А почерк у вас красивый...

Затем он заметил сияющую пустоту под строкой «ФИО».

— Э-э... а остальное заполнять не будете?

— Глава Лу сейчас у себя? — уклонился от ответа Хуайшу и с легкой неловкостью выложил на стол справку о выдворении.

Полицейский понимающе хмыкнул:

— Да, на месте. Поднимайтесь на шестой этаж, по коридору налево до восьмой двери. Как войдете — четыре шага влево и стучите.

«Какая поразительная точность», — подумал Хуайшу, едва сдерживая удивление.

— Благодарю вас.

Его улыбка заставила дежурного на мгновение потерять дар речи.

— Эх, будь этот парень девчонкой, я бы из штанов выпрыгнул, лишь бы породниться со стариком Лу и жениться на ней, — пробормотал он под нос.

— Ты чего белены объелся? — проворчал вернувшийся с чайником коллега, едва не обварив себе пальцы от удивления. — С каких это пор ты мечтаешь породниться с этим старым хрычом из Седьмой группы?

— Рожденным ползать не понять полета сокола, — высокомерно бросил дежурный.

Шестой этаж. Поворот налево. Восьмая дверь. Хуайшу был абсолютно уверен, что это крыло не предназначено под хозяйственные нужды, однако на двери почему-то красовалась поблекшая табличка «Подсобное помещение».

Он толкнул дверь. Внутри царил рабочий беспорядок: заваленные папками столы ясно давали понять, что здесь находится штаб одного из детективных отделов. Не мешкая, Хуайшу сделал три шага влево и негромко постучал в деревянную панель внутренней двери:

— Шишу Лу?

Изнутри донесся жалобный скрип старого кресла, за которым последовало хриплое «Входи».

Хуайшу открыл дверь. Кабинет встретил его вековой пылью и запахом застоявшегося табака. За облупившимся письменным столом сидело нечто... Свободный форменный китель висел на этой фигуре, словно на скелете.

«Скелет» медленно посмотрел мутными глазами. Хуайшу мысленно скорректировал впечатление: нет, не скелет. Скорее иссохшая мумия.

— Значит, ты и есть выкормыш Цинъюня? — Лу Чэньюнь шумно втянул воздух сквозь зубы. — Какого ты поколения?

Старый настоятель прислал весточку всего день назад, а этот шельмец уже тут как тут. Быстро же он передвигается.

— Я всего лишь мирской ученик, в реестры не внесен, — с улыбкой ответил Хуайшу, снимая очки. — Мое имя — Му Хуайшу. Впрочем, если судить по старшинству, в храме меня величают шишу, так что вам я довожусь племянником.

— Рожден под Одинокой звездой небесной гибели? — Лу Чэньюнь двигался на удивление резво для своего истощенного тела. Форменный китель заболтался на его плечах, когда старик

бесшумным вихрем сорвался с места и вырос прямо перед юношей.

Он впился взглядом в глубокие темные зрачки Хуайшу, затем цепко ухватил его за запястье, нащупывая пульс.

— Странно... Очень странно. Твои черты лица вкупе с этим проклятием сулили тебе скорую смерть. Ты никак не должен был перешагнуть семнадцатилетний рубеж.

— Мне уже двадцать, — мягко заметил Хуайшу, безуспешно пытаясь высвободить руку из сухих, похожих на когти пальцев старика.

Поняв, что силой тут не помочь, юноша прищурился. В глубине его зрачков клубами взвилась иссиня-черная дымка. Запястье окутало облако ядовитых испарений, и едва эта темная энергия Ша коснулась пальцев Лу Чэньюня, раздалось злое шипение, будто на раскаленную плиту плеснули кислотой.

Старик невозмутимо отпустил его руку, взглянул на обуглившуюся кожу и, выхватив из ящика стола нож, парой точных движений срезал омертвевшую плоть до здорового мяса. Он остался совершенно невозмутим.

— Яд Ша? — выдохнул он.

— Откуда тебе это известно? — Хуайшу впервые с интересом оглядел своего уродливого шишу. На этом сморщенном лице выделялись лишь круглые, живые глаза, тогда как остальные черты казались едва заметными прорезями на высохшей коже.

— В древних трактатах упоминалось нечто подобное, но я и подумать не мог, что в наше время кто-то сумеет подчинить эту силу, — Лу Чэньюнь покачал головой. — Впрочем, за всю историю ни один из тех, кто совладал с ядом Ша, не умер своей смертью.

Несмотря на злое пророчество, в глазах старого копа вспыхнул неподдельный восторг.

— Времена меняются, — невозмутимо парировал Хуайшу.

Он достал из рюкзака небольшую щепотку бурого порошка и бережно присыпал сочащуюся кровью рану на руке шишу.

— Сам приготовил. Раны затягивает на раз-два.

Лу Чэньюнь покосился на глазах затягивающийся порез и удовлетворенно хмыкнул:

— Отлично. Будешь работать у меня судебным медиком. Как раз маюсь без толкового патологоанатома, некому трупы осматривать.

— Договорились, — улыбнулся Хуайшу, понимая, что цель достигнута.

Лу Чэньюнь окинул его оценивающим взглядом:

— И надо же... С каждым веком носители этого проклятия рождаются все краше и краше. Прямо девка на выданье.

— Должна же быть хоть какая-то компенсация за тяжелую судьбу, — усмехнулся юноша.

Он небрежно бросил рюкзак на продавленный кожаный диван и с наигранным вздохом развел руками:

— Только вот незадача, шишу. Документов у меня нет, жилья тоже. Как прикажешь служить закону, будучи невидимкой для государства?

— Ах ты прохиндей... Все просчитал, — старик хрипло расхохотался, обнажив редкие зубы.

Он вернулся к столу, быстро набросал пару строк на официальном бланке и размашисто шлепнул синюю печать.

— Ладно, пошли, шельма. Будем делать из тебя добропорядочного гражданина.

<http://bllate.org/book/19035/1897888>